

СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Курбоналиева Муниса

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: В статье исследовали семантические и грамматические трансформации степеней сравнения в современном русском языке. Анализировали конкуренцию синтетических и аналитических форм, выявляя сдвиги в сторону субъективной оценки и экспрессивности. Рассматривали феномен «инфляции суперлатива» в медиадискурсе и когнитивные модели сравнения, основанные на антропоцентрическом подходе.

Ключевые слова: семантика, грамматика, компаратив, суперлатив, русский язык, экспрессивность, языковая норма.

Abstract: The article examines the semantic and grammatical transformations of degrees of comparison in the modern Russian language. The author analyzes the competition between synthetic and analytical forms, identifying shifts towards subjective evaluation and expressiveness. The phenomenon of "superlative inflation" in media discourse and cognitive models of comparison based on an anthropocentric approach are considered.

Keywords: semantics, grammar, comparative, superlative, Russian language, expressivity, linguistic norm.

В современной лингвистической парадигме категории компаратива и суперлатива перестали рассматриваться как застывшие реликты школьной

грамматики. Сегодня это живой, пульсирующий нерв языка, чутко реагирующий на изменения в способе человеческого восприятия реальности. Если рассматривать идеи Виктора Виноградова, изложенные в его фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове», то степени сравнения предстают перед нами не просто как шкала измерения, а как способ «оживить» признак. Виноградов полагал, что когда мы превращаем «красивый» в «красивее», мы совершаем акт высвобождения внутренней энергии слова: прилагательное перестает быть этикеткой предмета и становится процессом, почти глаголом, фиксирующим рост или убывание качества¹. Эта «динамизация» признака в современном языке достигла своего апогея. Мы наблюдаем, как грамматика подчиняется прагматике. Если классическая норма диктовала четкое разделение между синтетикой (сильнее) и аналитикой (более сильный), то нынешняя речевая практика демонстрирует их диффузию.

Одной из центральных тем современной русистики является победное шествие аналитических форм. Исследователи, опираясь на идеи Александра Пешковского, отмечают, что форма «более + прилагательное» становится доминирующей в официальном и научном дискурсе. Пешковский видел в аналитизме стремление разума к расчлененности и логической ясности. В его представлении, аналитическая форма позволяет отделить категорию сравнения от лексического ядра слова, делая структуру прозрачной для логического анализа². Однако в живой, разговорной речи и в языке медиа наблюдается обратный процесс — гиперболизация синтетических форм. Форманты *ее* и *-ейш* обрастают новыми коннотациями. Современный субъект речи не просто сравнивает, он оценивает. Семантика сравнения сегодня

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.

неразрывно связана с категорией «интенсивности». Как отмечал в своих работах Юрий Апресян, выбор степени сравнения часто диктуется не объективным превосходством одного предмета над другим, а желанием говорящего маркировать свою позицию в пространстве ценностей. Сравнение становится инструментом манипуляции, рекламы и самопрезентации.

Если представить язык как архитектурное сооружение, то степени сравнения — это не декоративные элементы, а подвижные шарниры, позволяющие стенам (смыслам) сдвигаться и расширяться. В литературном языке последних десятилетий мы видим попытки авторов выйти за пределы суффиксальной ограниченности. Компаратив начинает функционировать как абсолютная величина. Выражения типа «он более чем странный» или «самый-самый» (удвоение суперлатива) свидетельствуют о том, что стандартных средств языка уже недостаточно для передачи того эмоционального напряжения, которое испытывает современный человек. Критики и лингвисты, анализируя «язык города», приходят к выводу, что мы наблюдаем инфляцию превосходной степени. Когда каждое второе событие маркируется как «самое масштабное» или «уникальнейшее», семантика этих слов размывается. Суперлатив из категории исключительности переходит в категорию фонового шума. Это приводит к поиску новых средств выразительности: использованию префиксов (супер-, мега-, ультра-), которые фактически дублируют функции грамматических степеней сравнения, но на лексическом уровне.

Грамматическая природа компаратива в современном русском языке характеризуется синкретизмом. Форма на -ее способна выступать и как определение, и как сказуемое, что создает уникальную гибкость синтаксической структуры. Однако именно эта гибкость становится источником речевых ошибок, которые со временем могут стать новой нормой. Например, контаминация форм типа «более лучше» — хотя и признается

грубой ошибкой, — в просторечии сигнализирует о подсознательном стремлении усилить и без того усиленный признак. В современном дискурсе категория превосходной степени (суперлатив) претерпевает то, что можно назвать «семантической инфляцией». Традиционно формы на -ейший/-айший или конструкции с наречием «самый» резервировались для объектов, обладающих подлинной уникальностью. Однако сегодня мы наблюдаем экспансию этих форм в повседневную коммуникацию, где их задача — не отражение объективной истины, а создание эмоционального фона. Когда в рекламном или медийном тексте употребляется оборот «кратчайшие сроки» или «выгоднейшее предложение», грамматика суперлатива перестает работать как инструмент сравнения внутри закрытого множества. Она превращается в своего рода «элитарный префикс». Если пересказать взгляды исследователей медиаязыка, то превосходная степень сегодня часто сигнализирует не о качестве предмета, а о статусе говорящего и его желании доминировать в информационном пространстве. Суперлатив становится маркером агрессивного маркетинга, где «самый» — это просто синоним слова «заметный».

Интереснейшим процессом в современном русском языке является возникновение «избыточных» форм сравнения. Речь идет о конструкциях типа более лучше или самый лучший. С точки зрения строгой академической грамматики, плеоназм — смысловое дублирование. Однако в живой речи этот «грамматический шум» выполняет важную функцию: он компенсирует утрату выразительности стандартных форм. Когда говорящий произносит «самый лучший», он подсознательно чувствует, что слова «лучший» (которое само по себе является формой сравнения) уже недостаточно для передачи полноты восторга. Происходит лексикализация грамматической формы. Слово «лучший» начинает восприниматься как обычное качественное прилагательное, требующее дополнительного усилителя. Это свидетельствует

о том, что семантика «предела» в сознании носителя языка постоянно сдвигается. Мы ищем «более предельную» точку, чем та, которую предлагает нам морфология.

Семантика степеней сравнения неразрывно связана с антропоцентризмом. Мы сравниваем не «гору с горой», а «гору с нашим представлением о высоте». В этом контексте компаратив (выше, сильнее, быстрее) выступает как инструмент ориентации человека в мире ценностей.

Ю. Апресян в своих исследованиях указывал, что в основе сравнения лежит «образлон» — некая идеальная точка отсчета. В современном языке этот эталон становится всё более субъективным³. Если раньше «красивее» означало приближение к общепринятому канону, то сегодня это часто означает «более соответствующий моему сиюминутному вкусу». Таким образом, грамматическая категория сравнения перемещается из области объективных физических свойств в область субъективной модальности. Аналитические формы (более яркий, менее глубокий) в современном языке выполняют функцию «интеллектуального фильтра». Они позволяют говорящему дистанцироваться от эмоционального порыва, присущего синтетическим формам (ярче, глубже). В научном и официально-деловом стиле аналитизм побеждает, потому что он дискретен: мы можем отдельно оценить признак и отдельно — степень его выраженности. Однако в художественной литературе наблюдается обратный процесс — возврат к синтетике как к способу создания ритма. Синтетический компаратив короче, он обладает энергией удара. В текстах современных прозаиков мы часто видим использование форм на -ее как способа ускорения повествования. Сравнение здесь — не логическая операция, а вспышка, позволяющая читателю мгновенно сопоставить два образа.

³ Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии. — М.: Языки славянских культур, 2000. — 712 с.

Трансформация степеней сравнения в начале XXI века отражает общую тенденцию к демократизации и одновременно — к карнавализации языка. Мы видим, как жесткие рамки суффиксов размываются под давлением речевой экспрессии. Язык стремится к максимальной точности в науке (через аналитизм) и к максимальному эмоциональному воздействию в жизни (через избыточный суперлатив). Категория сравнения сегодня — это не просто «больше или меньше». Это «ближе ко мне или дальше от меня», «важнее для меня или безразлично». Семантика качества окончательно подчинилась прагматике оценки.

Развития категорий сравнения в современном русском языке мы наблюдаем феномен «абсолютного компаратива». Это использование сравнительной формы без объекта сопоставления. Здесь семантика сравнения схлопывается: нам не говорят, чем что лучше, нам задают вектор качества как самодостаточную ценность. Если пересказать лингвистические наблюдения последних лет (в частности, идеи А. Д. Шмелева), такая грамматическая модель заимствована из западного прагматизма. Сравнение здесь перестает быть логической операцией и становится инструментом создания позитивного ожидания⁴. Язык выбирает форму сравнения не для анализа, а для суггестии (внушения).

Современная грамматика степеней сравнения испытывает колоссальное давление со стороны англоязычных моделей. Калькирование конструкций приводит к тому, что русское ухо привыкает к аналитизму там, где раньше царила синтетика. Однако русский язык проявляет гибкость: он «переваривает» эти влияния, создавая гибридные формы. Например, использование приставки супер- в сочетании с синтетическим компаративом (супер-быстрее) — это попытка сохранить национальную морфологию,

⁴ Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.

наложив на нее глобальный лексический интенсификатор. Это свидетельствует о живучести системы, которая не просто заменяет свои элементы чужими, а расширяет арсенал за счет их синтеза.

Завершая наш научный обзор, можно выделить несколько ключевых векторов трансформации семантики и грамматики степеней сравнения:

- Субъективизация нормы: Сравнение всё чаще отражает не физические параметры объектов, а внутреннюю шкалу ценностей говорящего.

- Эрозия исключительности: Суперлатив (превосходная степень) в массовой коммуникации теряет свою уникальность, становясь обычным усилительным средством.

- Борьба аналитики и синтетики: Несмотря на рост аналитических форм (более...), синтетический компаратив (-ее) остается мощным ресурсом экспрессии в литературе и живой речи.

- Прагматический сдвиг: Грамматическая форма всё чаще используется для манипулятивного воздействия на адресата, создавая иллюзию «улучшенного» качества без реальных оснований.

Таким образом, степени сравнения в современном русском языке — это не застывшая система, а динамичный механизм, отражающий переход от жесткой логики к эмоциональной оценке. Язык движется в сторону большей свободы, где грамматическая форма подчинена коммуникативной задаче.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии. — М.: Языки славянских культур, 2000.

4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017.
5. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
6. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. — СПб.: Наука, 1996.